Academia. Архитектура и строительство, № 3, стр. 23–28.
Academia. Architecture and Construction, № 3, стр. 23–28.

Исследования и теория
Научная статья
УДК 72.03
doi: 10.22337/2077-9038-2022-3-23-28

Нугманова Гульчачак Гилемхановна (Казань). Кандидат искусствоведения. Научно-исследовательский институт теории и истории архитектуры и градостроительства (филиал ФГБУ «ЦНИИП Минстроя России») (111024, Москва, ул. Душинская, 9. НИИТИАГ). Эл. почта: gulchachak.n@gmail.com.

Nugmanova Gulchachak G. (Kazan). Ph.D. in Art history. The Research Institute of Theory and History of Architecture and Urban Planning, branch of the Central Institute for Research and Design of the Ministry of Construction and Housing and Communal Services of the Russian Federation (TsNIIP) (9 Dushinskaya st., Moscow, 111024. NIITIAG). E-mail: gulchachak.n@gmail.com.

Казанское архитектурное наследие в европейском дискурсе XIX века: художественная интерпретация в творчестве британца Эдварда Турнерелли и француза Андре Дюрана

Аннотация. Традиция визуализации страны через художественные виды её городов пришла в Россию вместе с распространением в ней европейских ценностей и культуры. В XVIII веке эти служившие целям репрезентации империи визуальные практики осуществлялись посредством финансируемых правительством экспедиций. В XIX веке – веке путешествий, литографии городских изображений стали массовым явлением. Их востребованность способствовала развитию частных инициатив по созданию альбомов с «видами», которые позволяли путешествовать, не выходя из дома, и знакомили с далёкими и неизвестными городами. В этом отношении Россия представляла для европейцев большой интерес: «Россия хуже известна, чем Индия, её меньше описывали и реже рисовали», – писал в 1839 году французский путешественник Астольф де Кюстин в своей известной книге «Россия в 1839 году». Тем более неведомой и загадочной была для них Казань, о которой мало что знали и в самой России.

В фокусе внимания настоящей статьи – графические изображения Казани и её окрестностей, запечатлённые британцем Эдвардом Турнерелли и французом Андре Дюраном во второй половине 1830-х годов в разгар интереса Европы к её христианским окраинам и дивному мусульманскому Востоку. Городские виды, как правило, привлекаемые в качестве иллюстраций к архитектурно-градостроительным процессам, стали в данном случае предметом исследования, ставившего своей целью «прочитать» созданный европейскими видописцами визуальный текст, понять, как они конструировали локальный архитектурный образ, презентуя Казань своему европейскому зрителю, миру и самой России.

Ключевые слова: Казань, Эдвард Турнерелли, Андре Дюран, архитектурное наследие, визуализация, образ, ориентализм

Финансирование. Исследование выполнено за счёт средств государственной программы Российской Федерации «Научно-технологическое развитие Российской Федерации» на 2021–2030 годы в рамках Плана фундаментальных научных исследований РААСН и Минстроя России на 2022 год, тема № 1.2.3.1 «Архитетура российской провинции XIX – начала XX века в воспоминаниях и изображениях современников. Казанское поволжье».

Kazan Architectural Heritage in the Nineteenth-Century European Discourse: Artistic Interpretation in the Works of the British Edward Turnerelli and the French Andre Duran

Abstract. The tradition of visualizing the country through the artistic views of its cities came to Russia along with the spread of European values and culture in it. In the 18th century, these visual practices, which served the purpose of representing the empire, were carried out through government-sponsored expeditions. In the 19th century of travel, lithographs of urban images became a mass phenomenon. Their demand contributed to the development of private initiatives to create albums with "views" that introduced the viewer to distant and unknown cities. In this regard, Russia was of great interest to Europeans. “Russia is less well known than India, it was less described and less often painted,” wrote the French traveler Astolfe de Custine

© Нугманова Г.Г., 2022.

in his famous book “Russia in 1839”. All the more unknown and mysterious for them was Kazan, about which little was known even in Russia itself. The focus of this article is the graphic images of Kazan and its surroundings, captured by the Englishman Edward Turnerelli and the Frenchman André Durand in the second half of the 1830s. at the height of Europe's interest in its Christian outskirts and marvelous Muslim East. Urban views, mainly used as illustrations for architectural and urban planning processes, became the subject of the research aimed at "reading" the visual text created by European graphic artist, and understanding how they constructed a local architectural image, while presenting Kazan to their European viewer, the world and Russia itself.

Keywords: Kazan, Edward Turnerelli, Andre Duran, architectural heritage, visualization, image, nineteenth century, Orientalism

Funding. The study was carried out with the funds of the state program of the Russian Federation "Scientific and Technological Development of the Russian Federation" for 2021–2030 within the Plan of Fundamental Scientific Research of the Russian Academy of Architecture and Construction Sciences and the Ministry of Construction of Russia for 2022, topic No. 1.2.3.1 "Architecture of the Russian Province of the 19th – early 20th Centuries in the Memories and Images of Contemporaries. Kazan Volga Region".

История Казанского региона восходит корнями ко временам Волжской Булгарии, Золотой Орды и Казанского ханства. Волжская Булгария – историческое исламское государство, существовавшее с X по XIII век. Основанный булгарами в IX–X веках Болгар был одной из ее столиц, а с 1243 года стал одним из крупнейших городов Золотой Орды. Казанское ханство образовалось в результате распада Золотой Орды в 1438 году. После завоевания Казани в 1552 году царём Иваном Грозным оно было присоединено к Великому княжеству Московскому.

Двадцатичетырехлетний англичанин Эдвард Турнерелли прибыл в Россию в ноябре 1836 года[1]. Сдав экзамен и получив право преподавать иностранные языки, он принял предложение попечителя Казанского учебного округа М.Н. Мусина-Пушкина преподавать в Казанском университете и, таким образом, летом 1837 года оказался в Казани [2, с. 5]. Результатом его четырёхлетнего пребывания в городе стали изданный в Лондоне альбом литографий «Виды Казани, рисованные с натуры Эдвардом Турнерелли», и две книги: «Казань и её жители» была опубликована в 1841 году в Петербурге, а вторая – «Казань – древняя столица ханов» – в 1854 году в Лондоне [1]. Альбом с видами, признанными министром финансов Е.Ф. Канкриным «действительно, очень хорошими», был преподнесён наследнику престола Александру Николаевичу (будущему императору Александру II) и министру народного просвещения графу С.С. Уварову. Они включали 14 литографий: «Общий вид Казани во время разлива Волги», «Старый собор в крепости», «Башня Сююмбике», «Спасские ворота (вход в крепость)», «Внешняя стена крепости», «Общий вид крепости», «Собор Святых Петра и Павла», «Казанский монастырь», «Сибирская застава», «Башня в Гостином дворе», «Монастырь Святого Иоанна», «Татарская мечеть», «Воскресенская улица», «Зилантов монастырь». На фронтисписе изображён памятник павшим при взятии Казани русским воинам.

В 1839 году, в то время пока Турнерелли в Лондоне занимался изготовлением своих литографий, Казань посетил Андре Дюран. Художник, выполняя заказ князя Анатолия Николаевича Демидова, фиксировал с натуры виды и историко-архитектурные достопримечательности Петербурга, Великого Новгорода, Москвы, Троице-Сергиева монастыря, Костромы, Ярославля и Казани. Его альбом «Живописное и археологическое путешествие по России, совершённое в 1839 г. под руководством Анатолия Демидова французским художником и литографом Андре Дюраном» был издан в Париже в 1854 году [2]. Казань в нём представлена девятью литографиями: «Кафедральный Благовещенский собор», «Руины татарского дворца и башня Сююмбеке», «Петропавловский собор», «Гостинодворская церковь», «Крепость со стороны Казанки», «Иоанно-Предтеченский монастырь», «Въезд через мельницу и Казанку», «Мечеть и татарская деревня», «Руины в Болгарах».

Судя по датам, в Казани Дюран пробыл с 10 по 18 сентября 1839 года, а 4 октября, когда Турнерелли вернулся из Лондона, он уже совершал свой обратный путь и находился за пределами страны. Если Турнерелли оказался в Казани по воле случая, то маршрут Дюрана был предопределён заказом Демидова, который «руководил» путешествием из Парижа. Без сомнения, именно он избрал Казань конечным пунктом затеянной им художественной экспедиции. Очевидно, этому способствовало в том числе знакомство с недавно вышедшей «Историей государства российского» Н.М. Карамзина, обозначившего значение Казани в судьбе страны. Однако, думается, что выбор конкретных архитектурных объектов для зарисовок Дюран определил исключительно сам, уже находясь на месте. Турнерелли же, пребывая в одном из лучших научных центров страны (он ставил казанский университет в один ряд с университетами Англии, Франции и Германии), имел возможность самостоятельно изучить труд русского историка, выдержки из которого приводит в своих текстах.

Несмотря на разность обстоятельств, принадлежность художников к единой европейской культуре определила общие особенности восприятия России. Эта общность обнаруживается при сопоставлении двух собраний архитектурных видов Казани и её окрестностей. Созданный Э. Турнерелли и А. Дюраном визуальный ряд представлял миру выразительный архитектурный облик региона, наделённый одновременно восточными и русскими чертами. Его восточность объяснялась историческим прошлым места, уходящим корнями во времена Волжской Булгарии и Казанского ханства.

[1] Когда определённый в Казанский университет англичанин Эдвард Турнерелли, ещё будучи в Петербурге, пытался предварительно выяснить какие-либо подробности о месте своего назначения, в столице в ответ на его расспросы либо пожимали плечами, либо рассказывали невероятные истории о диком крае [2, с. 6].

Очевидную принадлежность к древней мусульманской культуре воплощали образы Болгара – столицы Волжской Булгарии, остатки которой сохранялись вблизи села Успенское-Болгары в ста верстах от Казани. Первое представление о местной истории Турнерелли получил, проделав долгий путь из Петербурга в компании профессора восточных языков Казанского университета Александра Казем-бека. Чтение (возможно, по совету того же превосходно образованного мирзы) Карамзина, хорошее знание которого демонстрируют тексты британца, поведало ему о месте Казани в «истории государства Российского». Это новое знание побудило пытливого европейца немедленно заняться изучением следов утраченной и совершенно неизвестной Европе восточной цивилизации, неожиданно обнаруженной им в центре России. В Болгары Турнерелли отправился, едва прибыв в Казань.

Его текст воспроизводит облик пяти древнеболгарских сооружений – Большого минарета и Восточного мавзолея, а также отстоявших от них на расстоянии двухсот сажень Малого минарета и так называемых Белой и Черной палат. Возведённый в 1360-е годы, Большой минарет примыкал к развалинам соборной мечети. Турнерелли застал эту «большую колонну», или «круглую башню», уже клонящейся в сторону (в 1841 году она обрушилась, несмотря на починку на средства казанского купца Юнусова, ежегодно посещавшего Болгары со своим семейством). Относящийся 30-м годам XIV века мавзолей («небольшая интересная восьмиугольная постройка»), являлся, по его сведениям, обращённой в часовню мечетью. В XVIII веке здесь учредили православный монастырь и возвели церковь, стены которой были сложены из остатков разрушенной соборной мечети и надгробных камней, содержавших надписи на арабском, татарском и армянском языках. Назначение двух других булгарских построек середины XIV столетия – Белой и Чёрной палат – стали предметом острых дискуссий среди университетской профессуры. Относительной первой Турнерелли более обоснованной считал точку зрения востоковеда Ф.И. Эрдмана, относившего сооружение к широко распространённому на Востоке типу общественных бань. Вторая «весьма замечательная развалина», выделявшаяся «следами высокого архитектурного стиля и изящества», по преданию считалась «судейским домом». Утративший завершение и опоясанный железными стяжками Малый минарет не вызвал большого восторга у британца. Из пяти древних строений Турнерелли изобразил только два – Большой минарет и Чёрную палату, очевидно, благодаря их относительно хорошей, позволявшей оценить архитектуру сохранности.

Археологичность изображений и подробность сведений, частью заимствованных у своих университетских коллег, а частью являвшихся результатом собственных изысканий, отражают подлинный интерес европейского путешественника к утраченной древней цивилизации, знанием о которой он хотел поделиться с соотечественниками. В отличие от Турнерелли, Дюран создал собирательный художественный образ древнего Болгара, изобразив общий пейзаж местности с разбросанными по территории остатками древних болгарских строений. Ближе сосредоточены Успенская церковь, Большой минарет, два мавзолея и грандиозное купольное сооружение, в котором узнаётся расположенная в действительности в отдалении Чёрная палата. Освещённый солнцем православный комплекс контрастирует с вынесенной на передний план и погружённой в тень руиной, мимо которой проходит группа солдат.

Отвлечённый образ древнего сооружения Дюран положил и в основу своего фантастического сюжета с изображением татарской деревни, возможно, основанного на известном факте поклонения местных татар булгарским развалинам. На переднем плане на фоне деревни запечатлено руинированное купольное сооружение с минаретом, к которому пристроен новый объём мечети. Минарет вымышленный, равно как не отвечающие местной традиции сельской архитектуры с её прямоугольными срубными конструкциями под двускатными крышами мечеть и центричные жилые строения.

Эта недостоверность в совокупности с датами болгарских зарисовок ставит под сомнение посещение Дюраном Болгара. Рисунки помечены 18 сентября, однако это же число указано и на изображении Благовещенского собора в Казани. Мог ли художник за один день съездить в отдалённую от Казани местность, сделать там две зарисовки, а затем, вернувшись, зафиксировать еще и казанский памятник? На казанских литографиях Дюрана присутствует имя другого французского художника – Огюста Раффе, который, как следует из пометок («Figures par Raffet»), оживлял архитектурные пейзажи Дюрана человеческими фигурами. Известно, что двумя годами ранее Раффе в ходе аналогичной экспедиции Демидова фиксировал виды юга России и Крымского полуострова, в том числе татарской деревни. Не мог ли он и в данном случае, фантазируя на темы болгарских развалин, воспроизвести этот знакомый ему «татарский» пейзаж? Уж очень изображённый в казанской деревне минарет напоминает его сторожевую башню в Валахии!

Как бы то ни было, сюжет Дюрана с действующим древним культовым сооружением передаёт идею связи времён и продолжения исламской цивилизации в регионе. Иначе представлял миру данную концепцию Турнерелли, избрав для визуализации локального ориентализма Апанаевскую мечеть в Казани с её выразительными фасадами в стиле европейского барокко. Возведённая в 1767–1768 годы по особому разрешению Екатерины II, она стала одной из двух первых легальных каменных культовых сооружений Среднего Поволжья, не только положивших начало новой традиции монументального зодчества казанских татар, но и ознаменовавших новый этап в их жизни в составе Россйиской империи.

Казань Российской империи XIX века располагалась на месте бывшей столицы Казанского ханства. Главным архитектурным объектом, способствующим видению Казани как восточного города, являлся казанский кремль, воспринимавшийся завоёванной татарской крепостью. Так воспринимал его и император Николай I, совершая в 1836 году прогулку «по «стенам древнего кремля, некогда столь долго сопротивлявшегося московскому могуществу» [3]. В начале XVIII века на месте остатков ханского дворца был возведён обер-комендантский

двор, к концу столетия пришедший в запустение. По преданиям, входившая в его состав Введенская церковь считалась древней татарской мечетью, после завоевания обращённой в православный храм, а въездная дозорная башня – её минаретом. В 1830 году в ходе выполнения указа 1826 гогд комплекс был назван по имени последней татарской царицы Сююмбике «Сумбековым дворцом», а сама башня – башней Сююмбике [4].

Панораму этой обращённой к Казанке северной оконечности кремля, где сосредоточились «казанские древности», изобразили оба художника. В Казани Николай I вдохновился идеей возобновления «старинного ханского дворца, место которого еще указывала одна сохранившаяся башня» [Сююмбике]. Реализация этого проекта, направленного на создание в Казани императорской резиденции, повлекла за собой масштабные реконструктивные работы. Турнерелли и Дюран зафиксировали облик кремля до его преобразований – фрагменты обер-комендантского дома, проглядывающие за частью кремлёвской стены между Тайницкой и Северо-западной башнями, обезглавленную в пожаре 1815 года Введенскую церковь, башню Сююмбике, пятиглавый Благовещенский собор середины XVI века с колокольней, корпуса бывшего пушечного двора (рис. 1).

Наиболее эффектный вид кремль имел во время весеннего разлива Волги и Казанки, когда вода вплотную подступала к его подножию. В отличие от Дюрана, бывшего в Казани в сентябре, Турнерелли сумел запечатлеть этот завораживавший современников пейзаж с окружённым водой памятником павшим при взятии города русским воинам на переднем плане. Возведённый в 1813–1823 годы на волне патриотического подъёма, связанного с победой в Отечественной войне 1812 года, мемориальный храм стал одной из узнаваемых достопримечательностей Казани.

Отдельно вопроизведены главные «татарские» сооружения. Церковь, перестроенную, как считалось, из ханской дворцовой мечети, и башню Сююмбике Турнерелли и Дюран зафиксировали с одного ракурса, но по-разному подчеркнув их древне-татарское происхождение (рис. 2 и 3). Турнерелли «достроил» выглядывающий сбоку «ханский дворец». Дюран, напротив, преувеличил степень разрушенности комплекса, дополнив существующие строения воображаемыми «остатками древних конструкций», придавшими картине под названием «Руины ханского дворца» большую убедительность. «Татарскость» архитектурного пейзажа усиливали фигуры мулл в чалмах. Они присутствовали и у Турнерелли, однако русские типажи и мчащаяся пролетка возвращали его зрителя в «русское» настоящее.

Располагавший временем Турнерелли мог позволить себе детализировать образ казанской крепости видами её стен и башен. Нарисованную им восточную стену в перспективе замыкает увенчанный классицистическим куполом

Рис. 1. Казанская крепость. Э. Турнерелли. 1837–1838 годы (источник: [1])

Рис. 2. Башня Сююмбеке. Э. Турнерелли. 1837–1838 годы (источник: [1])

Рис. 3. Руины татарского дворца и башня Сююмбеке. А. Дюран. 1839 год (источник: [5])

Архиерейский дом. Тема контраста древних и современных архитектурных форм явно вдохновляла автора. Подобное противопоставление наблюдается и на изображении Спасской башни, показанной на фоне проглядывающих из-за деревьев ордерных фасадов Городской думы. Значение этой башни в семантике кремлёвского комплекса восходит к казанскому завоеванию – она появилась на месте, где во время боя стояло царское знамя, а после победы Иван Грозный водрузил крест. Впрочем, тексты Турнерелли не обнаруживают это знание исторических подробностей.

Главный региональный Благовещенский собор возник, как считалось, по приказу Ивана Грозного на месте соборной мечети Кул Шариф. Построенный в 1556–1562 годы псковскими мастерами, храм в XVIII веке был окружён притворами и приобрёл барочный облик. Именно этот обновлённый барочными пристройками и оградой вид представил взору своего зрителя Турнерелли. Дюран же сделал акцент на древности сооружения, выбрав такой ракурс, при котором новые объёмы оказались скрытыми за примыкающей к колокольне древней глухой оградой, из-за которой виднелись лишь завершённые закомарами стены собора и его главы. Возможно, будь европейцы более посвящены в тонкости древнерусской архитектуры, они предпочли бы изобразить сохранивший первоначальный облик восточный фасад храма с апсидами, украшенными типично псковским орнаментом и аркатурным поясом, подобным зафиксированному ими на барабане центральной главы. Пострадавший в пожаре 1815 года собор нуждался в реконструкции. Многочисленность проектов 1832–1838 годов указывала на поиск нового образа православного храма Российской империи XIX века.

Именно православные храмы и монастыри формировали русскую составляющую архитектурного портрета Казани. Из множества казанских храмов в альбомы Турнерелли и Дюрана попали три – соборы Петропавловский и Иоанно-Предтеченский и Николо-Гостинодворская церковь при Гостином дворе. Возведённый в 1724–1726 годы в память о приезде в город Петра I, Петропавловский собор Турнерелли назвал «одним из оригинальнейших в России», «жемчужиной среди достопримечательностей Казани», обладавшей «совершенной формой и необычной конструкцией». Он поставил его в один ряд с собором Василия Блаженного в Москве и Строгановской церковью в Нижнем Новгороде. Подобную ассоциативную параллель выстроил и французский путешественник Астольф де Кюстин, сопоставив московский и нижегородский соборы [6, с. 378], к числу которых, доберись он до Казани, без сомнения, отнёс бы и казанский собор Петра и Павла с его «взметнувшейся в небо колокольней, напоминающей индийскую пагоду».

Именно такого рода «причудливые сооружения» Кюстин назвал «настоящими образцами русской архитектуры, «вроде фаянсовой игрушки», противопоставив их не только храмам в древнегреческом и греко-византийском стилях, но и зданиям в стиле классицизма – «тем неловким копиям римских храмов, что громоздятся на площадях Санкт-Петербурга и Москвы». Очевидно, те же эмоции испытывали в Казани Турнерелли и Дюран. Привлекшие их внимание Николо-Гостинодворская церковь и собор Иоанно-Предтеченского монастыря с шатровыми завершениями не имели аналогий в архитектуре других стран и выглядели, особенно на взгляд иностранца, довольно экзотичными. В первой – церкви «на торгу» XVI века – Турнерелли даже не признал культовое сооружение и обозначил её «башней», отметив «примечательную архитектуру» здания с восьмигранным пирамидальным шатром, покрытым полированной зелёной черепицей, которая блестела «словно чешуя морской рыбы». Как «подлинно замечательное сооружение» он охарактеризовал и знаменитую трёхшатровую соборную церковь Иоанна Предтечи середины XVII века с открытой сводчатой галереей, напомнившей ему храмы Италии.

Увенчанный куполом собор Казанского Богородицкого монастыря с колонными портиками на фасадах явно относился к разновидности «неловких копиий римских храмов». В данном случае стилистическая связь с римской архитектурой была более очевидной – задуманный ещё в 1809–1810 годы ансамбль с овальной колоннадой вокруг собора прямо отсылал к образу площади св. Петра в Риме. Тем не менее монастырь появился в живописном повествовании о Казани благодаря своему особому месту в истории Казани и империи – он был основан Иваном Грозным на месте обретения иконы Казанской Богоматери, ставшей покровительницей императорского дома Романовых. Турнерелли поведал своим европейским читателям историю её явления. Изображения художников обнажают контраст между «европейской» архитектурой монастырского комплекса и перемежающейся с садами и огородами окружающей деревянной застройкой. В меньшей степени он выражен у Дюрана, у которого монастырь замыкает дальнюю перспективу, открывающуюся при въезде в город со стороны Казанки, с мельницей и Воскресенской башней кремля на переднем плане.

Исключительно историческим интересом вызвана и фиксация Зилантова монастыря, также заложенного Иваном Грозным. Посвящённый погибшим при взятии Казани русским воинам, он располагался на горе, основание которой омывала Казанка. Турнерелли с явным удовольствием знакомит своего читателя с происхождением названия от татарского «Джилан тау» – «Змениная гора», где, по легенде, жил страшный крылатый змей-дракон. Монастырские строения, с точки зрения Турнерелли, «не представляли особого интереса» в отличие от Кизического монастыря XVII века, в котором, напротив, «многое привлекало внимание путешественника» – старинные стены, зубчатые и массивные, «необычная и весьма любопытная архитектура фасада». Очевидно, лишь спешка с изданием не позволила британцу запечатлеть монастырь для публикации в первом выпуске альбома.

Зато в него вошли два других архитектурных сюжета. Перспектива главной Воскресенской улицы с древним одноимённым собором и возведённой в 1803 году классицистической колокольней на переднем плане передаёт наблюдения, подмеченные Турнерелли в Казани. Она отражает его восхищение регулярностью казанского городского пространства

– «улицами, столь правильно выстроенными», вид которых, уверен автор, доставил бы удовольствие «жителям Лондона и Парижа», сумей он перенести их по воздуху в Казань. Кроме того, обращает на себя внимание стилистический контраст в архитектуре города, сохранившего в своей обновлённой регулярной застройке древние строения, в основном, культовые. Подобное сочетание древних и современных ордерных форм, уже отмечавшееся выше, зафиксировано и в «Сибирской заставе», где колоннадам, поставленным по сторонам моста в виде пропилей, противопоставлена небольшая церковь св. Варвары XVIII века на заднем плане.

Россия как сюжет привлекала европейцев. Именно этот интерес привёл британца Эдварда Турнерелли и француза Андре Дюрана, равно как и упоминавшегося выше Астольфа де Кюстина, в страну, куда последний, по его собственным словам, направился, движимый исключительно желанием увидеть её степи [6, с. 60]. Через образ степей, используя «это восточное слово», Кюстин транслировал устоявшееся в Европе представление о восточной (азиатской) природе России, зримые признаки которой обнаружились в Казани [7]. Здесь находился «подлинный» Восток Российской империи XIX века. В своих архитектурных пейзажах Турнерелли и Дюран сумели выхватить и передать содержательно-художественную сущность места, сочетавшего в себе черты татаро-мусульманской и русско-православной цивилизаций. В создании его визуального образа основное место принадлежало местным средневековым древностям, в общеевропейской практике осмысляемым как памятники национальной культуры. В Казани они отождествлялись с булгаро-татарским и русско-православным зодчеством, через которое европейские видеописцы презентовали этот «восточный» город в центре Российской империи не только своим соотечественникам и миру, но и самой России.

Список источников

1. *Турнерелли, Эдвард*. Казань и её жители / Э. Турнерелли; перевод с французского. – Текст: непосредственный; Казань – древняя столица ханов / Э. Турнерелли; перевод с английского. – Текст: непосредственный; Этот занятный несносный британец : полемика / Текст: непосредственный; Виды Казани, рисованные с натуры : альбом репродукций / Текст – непосредственный. – Казань : ДОМО «Глобус», 2005. – 1183 с.

2. *Гончарова, Н.В*. Образы русских городов XIX в. на литографиях Андре Дюрана в книжном собрании Г.А. Строганова / Н.В. Гончарова. – Текст: непосредственный // Вестник Томского государственного университета. Культорология и искусствоведение. – 2014. – № 2. – С. 31–37.

3. *Бенкендорф, А.Х*. Записки (1832–1837 гг.) / Текст: непосредственный // Шильдер Н.К. Император Николай I. Его жизнь и царствование : В 2 томах. Т. 2. Дополнения ко второму тому. – Спб : А. С. Суворин, 1903.

4. *Нугманова, Г.Г*. «Казанские древности». Историко-архитектурное наследие Казанской губернии в XIX – начале XX века / Г.Г. Нугманова. – Текст: непосредственный // Градостроительное искусство. Новые материалы и исследования. Вып. 1 / Отв. ред. И.А. Бондаренко. – М. : ДомКнига, 2007. – С. 282–294.

5. *Вербина, О.Г*. Живописное путешествие по старой Казани / О.Г. Вербина. – Текст: непосредственный. – Казань: Заман, 2006. – 144 с.

6. *Кюстин, А*. де. Россия в 1839 году / А. де. Кюстин; Пер. с фр. – Текст: непосредственный. – СПб : Крига, 2008. – 704 с.

7. *Кузнецов, А.А*. Воображаемая и реальная визуализация французскими путешественниками Казани как российского Востока / А.А. Кузнецов. – Текст: непосредственный // Учёные записки Казанского университета. Серия Гуманитарные науки. – 2018. – Т. 160. – Кн. 6. – С. 1508–1525.

References

1. Turnerelli, Edvard. Kazan' i ee zhiteli [Kazan and its inhabitants], transl. from French; Kazan' – drevnyaya stolitsa khanov [Kazan – the ancient capital of the khans] transl. from engl.; Etot zanyatnyi nesnosnyi britanets [This amusing obnoxious Briton], controversy; Vidy Kazani, risovannye s natury [Views of Kazan, drawn from nature], an album of reproductions. Kazan', DOMO "Globus" Publ., 2005, 1183 p. (In Russ.)

2. Goncharova, N.V. Obrazy russkikh gorodov XIX v. na litografiyakh Andre Dyurana v knizhnom sobranii G.A. Stroganova [Images of Russian cities of the XIX century. on lithographs by Andre Durand in the book collection of G.A. Stroganova]. In: *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Kul'torologiya i iskusstvovedenie* [*Tomsk State University Journal of Cultural Studies and Art History*], 2014, no. 2, pp. 31–37. (In Russ., abstr. in Engl.)

3. Benkendorf, A.Kh. Zapiski (1832–1837 gg.) [Notes (1832–1837)]. In: Shil'der Imperator Nikolai I. Ego zhizn' i tsarstvovanie [Emperor Nicholas I. His life and reign], In: 2 volumes. Vol. 2. Additions to the second volume. St. Petersburg, A. S. Suvorin Publ., 1903. (In Russ.)

4. Nugmanova G.G. «Kazanskie drevnosti». Istoriko-arkhitekturnoe nasledie Kazanskoi gubernii v XIX – nachale XX veka ["Kazan antiquities". Historical and architectural heritage of the Kazan province in the XIX – early XX centuries]. In: *Gradostroitel'noe iskusstvo. Novye materialy i issledovaniya* [*Town-planning art. New materials and research*]. Iss. 1, Resp. ed. I.A. Bondarenko. Moscow, DomKniga Publ., 2007, pp. 282–294. (In Russ.)

5. Verbina O.G. Zhivopisnoe puteshestvie po staroi Kazani [Picturesque journey through old Kazan]. Kazan', Zaman Publ., 2006, 144 p. (In Russ.)

6. Kyustin, A. de. Rossiya v 1839 godu [Russia in 1839], transl. from french. St. Petersburg, Kriga Publ., 2008, 704 p. (In Russ.)

7. Kuznetsov A.A. Voobrazhaemaya i real'naya vizualizatsiya frantsuzskimi puteshestvennikami Kazani kak rossiiskogo Vostoka [Imaginary and real visualization by French travelers of Kazan as the Russian East]. In: *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Seriya Gumanitarnye nauki* [*Proceedings of Kazan University. Humanities Series*], 2018, Vol. 160, Book 6, pp. 1508–1525. (In Russ., abstr. in Engl.)